

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Р.И. Аюпов

Джон Сёрл о семантике имен собственных*

Аюпов Рамазан Искандарович – студент бакалаврской программы «Философия», стажер-исследователь Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1; e-mail: raiupov@edu.hse.ru

Цель настоящей статьи – познакомить русскоязычных читателей с одной из значимых работ по аналитической философии языка, посвященной семантике имен собственных, а именно со статьей “Proper Names” американского философа Джона Сёрла, опубликованной в 1958 г. Сёрл защищает так называемый дескриптивный подход, согласно которому имена собственные обладают не только референцией, но и смыслом, выражаемым определенными дескрипциями. Сёрл видит свою задачу в том, чтобы откорректировать этот подход, разработанный Фреге и Расселом, и учесть в нем особенности функционирования имен собственных в контекстах повседневной коммуникации. В центре внимания Сёрла стоит проблема, называемая «загадкой Фреге», которая касается различия в познавательной ценности двух видов утверждений тождества $a=a$ и $a=b$, содержащих имена собственные. Решение Сёрла можно охарактеризовать так. Во-первых, как и Фреге, Сёрл признает наличие смысла у имен собственных, однако отвергает идею о том, что смысл имени собственного эквивалентен определенной дескрипции. Во-вторых, Сёрл утверждает, что референциальное употребление имени собственного предполагает наличие хотя бы одной истинной дескрипции, однозначно идентифицирующей его носителя. В-третьих, Сёрл вводит понятие дескриптивных пресуппозиций, определяя смысл имени собственного как кластер таких пресуппозиций, объединенных в нестрогую дизъюнкцию. Таким образом, Сёрл находит объяснение тому, почему утверждение тождества $a=b$ иногда используется как аналитическое, а иногда как синтетическое. Несмотря на последующую критику этого решения сторонниками теории прямой референции, теория Джона Сёрла остается значимой в контексте дискуссий о семантике имен собственных.

Ключевые слова: Джон Сёрл, Готлоб Фреге, имена собственные, смысл, референция, дескрипции, тождество, пресуппозиции, кластерная теория имен собственных

Отечественный читатель знает американского аналитического философа Джона Сёрла прежде всего как разработчика теории речевых актов и как философа сознания. Однако менее известен тот факт, что еще до работ о речевых актах, идею которых

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество» НИУ ВШЭ.

Сёрл воспринял от Джона Остина во время написания диссертации в Оксфорде под руководством Питера Гича, он получил известность благодаря разработанной им теории именования. К этой теме Сёрл обратился в своей диссертации, в которой, таким образом, не только содержится набросок его варианта теории речевых актов, но и представлены смелые логико-семантические размышления об именах собственных. Результатом этих размышлений стала публикация статьи «Имена собственные» (“Proper Names”) в журнале “Mind” в 1958 г., благодаря которой Сёрл внес свой вклад в дискуссию, начатую Джоном Миллем в его «Системе логики» (1843). Мощный импульс и направление этой дискуссии задал Готлоб Фреге в статье «О смысле и значении» (1892), а в последующем к ней присоединились Бертран Рассел, Людвиг Витгенштейн, Рудольф Карнап и многие другие известные философы. Таким образом, проблема имен собственных, состоящая в определении логической природы, функции и значения этого вида языковых выражений, несмотря на свой, казалось бы, частный характер, приобрела более фундаментальный статус: она не только была отнесена к числу ключевых проблем философии языка, но и оказалась неразрывно связанной с возникновением и развитием аналитической философии.

К середине XX в. в решении этой проблемы аналитическими философами доминировал² подход, который позже назовут «дескриптивной теорией референции». Основоположниками этого подхода принято считать Фреге и Рассела. Фундаментальная идея дескриптивного подхода заключается в том, что имена собственные осуществляют референцию к обозначаемым ими объектам не напрямую, а опосредованно – через смысл, трактуемый как совокупность связываемых с именем дескрипций, фиксирующих характеристики, которые однозначным образом определяют носителя имени, т.е. имена собственные выступают в качестве своего рода сокращения для множества дескрипций, применимых к носителю имени [Ferreira-Costa, 2023, p. 12]. Этот подход противоположен семантической теории имен собственных, предложенной Миллем, с точки зрения которого имена собственные осуществляют референцию к своим носителям не опосредованно, а напрямую: каждое имя непосредственно соотносится с обозначаемым объектом в актах именования и в дальнейшем закрепляется за ним. Таким образом, значение имени собственного исчерпывается его денотатом. В дескриптивной теории референции, напротив, собственные имена, помимо денотативной функции, выполняют также функцию коннотации, т.е. они обладают смыслом, а обладание смыслом состоит в том, что они выступают сокращением для множества наиболее важных для характеристики носителя имени определенных дескрипций.

В своей статье Сёрл принимает и развивает дескриптивный взгляд на природу имен собственных. К этому времени сформировалась потребность в некоторой «перенастройке» или корректировке дескриптивного подхода, вызванная тем, что аналитические философы стали более внимательными к функционированию имен собственных в контекстах повседневной человеческой коммуникации, тогда как до этого интерес к именам собственным в основном диктовался иными логико-философскими целями. Поэтому Сёрл видит свою задачу в том, чтобы адаптировать дескриптивную теорию референции к новым запросам, придав ей более целостный и обоснованный вид и устранив неточности и пробелы в формулировках предшественников. Вопросы, на которые он стремится дать ответ, звучат так: обладают ли имена собственные смыслом? Благодаря чему имена осуществляют референцию к объектам в мире? Как посредством произнесения имен собственных говорящим удается ссылаться на соответствующие объекты?

² На момент написания Сёрлом статьи единственным крупным критиком и противником дескриптивизма был, вероятно, только Уиллард Куайн. См. подробнее: [Куайн, 2003, с. 7–23].

Ни для кого не секрет, что созданная Фреге теория имен собственных была, по сути, «побочным продуктом» его логической семантики, разработанной для формально-логических языков. Свое известное различие смысла и референции (в терминологии немецкого мыслителя – значения) имен собственных он вводит в классической работе «О смысле и значении» [Фреге, 2000] в качестве ответа на вопрос (позже названный «загадкой Фреге») о том, почему утверждения тождества вида $a=a$ отличаются в познавательной ценности от утверждений вида $a=b$, где a и b являются именами собственными. Например, почему утверждение «Утренняя звезда есть Утренняя звезда» является для нас менее информативным, чем утверждение «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда»? Как известно, ответ Фреге состоял в том, что первое утверждение является аналитическим и его истинность устанавливается априорно, тогда как второе является синтетическим и для установления его истинности потребовалось астрономическое открытие, но, главное, эпистемологическое различие между этими утверждениями, если учесть, что имена «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» обозначают одно и то же небесное тело – Венеру, связано с тем, что эти имена обладают разными способами представления (*Arten des Gegebenseins*) обозначаемого объекта. Именно способ представления носителя имени Фреге и называет смыслом (*Sinn*) имени собственного. Таким образом, в семантическом содержании имени собственного Фреге выделяет два компонента – смысл и референцию, или значение (*Bedeutung*). Итак, если « a » и « b » – это имена собственные с одинаковым значением (референцией), то информативное различие между утверждениями тождества $a=b$ и $a=a$ объясняется наличием у них разных смыслов. Из примеров, которыми Фреге поясняет свое понимание смысла имени, можно заключить, что смысл – это совокупность универсально схватываемых сообществом говорящих дескрипций, которые однозначным образом выделяют единственного носителя имени, а это означает, что смысл имени собственного определяет его значение (референцию). В логическом плане эта совокупность представляет собой конъюнкцию такого рода дескрипций.

Нужно сказать, что Сёрл начинает свою статью с рассмотрения этой загадки Фреге. Он согласен с Фреге в том, что решение данной проблемы требует признания наличия у имен собственных смысла, хотя и отмечает, что обычному человеку такой вывод может показаться странным. Более того, опираясь на употребления утверждений тождества в обыденной речи, Сёрл указывает на то, что предложения вида $a=b$ (например, «Туллий = Цицерон») далеко не всегда используются людьми для выражения синтетических утверждений, они вполне могут использоваться и как аналитические утверждения. Как же тогда можно объяснить такое двоякое использование? Альтернативное решение загадки Фреге, предлагаемое Сёрлом, основывается на важном для него соображении, а именно: любое использование имени собственного для референции к некоторому объекту O предполагает (*presupposes*), что хотя бы одна из множества связанных с данным именем и идентифицирующих единственным образом объект O дескрипций истинна относительно этого объекта. По сути, Сёрл предлагает рассматривать связываемые с именем дескрипции как своего рода пресуппозиции (он даже называет их «дескриптивными пресуппозициями»)³. В результате его альтернативное решение загадки Фреге состоит в том, что утверждение тождества вида $a=b$ является аналитическим, если и только если использование имен a и b для референции к некоторому объекту имеет одинаковые

³ Можно предположить, что Сёрл воспринял эту идею у Стросона, но у него она выполняет иную функцию. Для Стросона [Стросон, 1982] утверждение p является пресуппозицией утверждения q , если q может быть оценено как истинное или ложное только в том случае, когда истинно p , если же p ложно, то q вообще не обладает истинностным значением.

дескриптивные пресуппозиции; ежели они разные, то утверждение тождества вида $a=b$ является синтетическим.

Трактовка Сёрлом связываемых с именем определенных дескрипций как пресуппозиций повлекла за собой и другие изменения, которые он считал нужным внести в дескриптивный подход. Это прежде всего коснулось тезиса о том, что смысл имен собственных эквивалентен связываемым с ними определенным дескрипциям. Первым этот тезис высказал Рассел в своей теории дескрипций. Как известно, Рассел разделял позицию Милля в отношении имен собственных, т.е. считал, что имена собственные не имеют смысла, а их значением являются их носители. Чтобы имя имело значение, его носитель должен гарантированно существовать [Рассел, 1999], но это условие, по мнению Рассела, выполняется только в отношении логически правильных имен, тогда как обычные имена собственные (Пегас, Вальтер Скотт, Вулкан) не обеспечивают такой гарантии и поэтому являются скрытыми или сокращенными определенными дескрипциями [Рассел, 2009]. Это означает, что смысл обычных имен эквивалентен смыслу связанных с ним определенных дескрипций. И хотя это отождествление имен собственных с определенными дескрипциями позволило Расселу разрешить ряд философских и логических затруднений, Сёрл считает его ошибочным, поскольку в нем игнорируется важное различие в функционировании имен собственных и определенных дескрипций в языке. Об этом различии, согласно Сёрлу, свидетельствует тот факт, что если определенные дескрипции явным образом указывают характеристики, по которым нужно идентифицировать их референт, то референциальное употребление имен собственных хотя и предполагает «истинность определенных дескриптивных утверждений о некотором единичном объекте», но «не означает принятия этих утверждений или даже указания на то, какие именно из этих утверждений предполагаются». Эта характерная для имен неопределенность в идентификации объекта, о котором идет речь, по мнению Сёрла, предоставляет ряд преимуществ: дескрипции, соотносимые с именем собственным, со временем могут утратить свою актуальность или вовсе могут оказаться ложными, но это необязательно повлечет за собой отказ от употребления данного имени применительно к тому же самому объекту; утрачивает значимость вопрос о том, какие характеристики объекта мы считаем весомыми и определяющими для его идентификации и т.п.

Таким образом, согласно Сёрлу, при референциальном употреблении имени собственного истинность связанного с ним набора идентифицирующих объект дескрипций отнюдь не утверждается, а лишь предполагается, а также вовсе не требуется истинность всего набора такого рода дескрипций: достаточно, чтобы только некоторые из них были истинными в отношении носителя имени. Отсюда следует, что с именем собственным связывается не одна, а целое множество, или кластер, дескрипций-пресуппозиций, которые соединяются друг с другом в нестрогую дизъюнкцию. В связи с этим сёрловский вариант дескриптивного подхода стали называть кластерной теорией имен собственных [Abbott, 2010, p. 102].

Нужно отметить, что независимо от Сёрла похожие «кластерные» идеи высказывали Витгенштейн и Стросон. Так, в «Философских исследованиях» [Витгенштейн, 1994, с. 116] Витгенштейн высказывает предположение, что имена собственные соотносятся не с одной, а с множеством дескрипций (например, имя «Моисей» связано с такими дескрипциями, как «человек, прошедший израильтян через пустыню», «человек, который в младенчестве был вытащен из Нила дочерью фараона» и т.п.), но для него это служит иллюстрацией того, что имена приобретают различные значения (задействуя различные связанные с ними дескрипции) в зависимости от контекста, в котором они употребляются. Однако Витгенштейн не стал развивать это предположение дальше, как это сделал Сёрл.

После выхода статьи 1958 г. Сёрл продолжил свою работу над проблемой имен собственных. Более развернутое и обоснованное изложение своей кластерной теории он предложил в статье «Имена собственные и дескрипции», опубликованной в шестом томе «Философской энциклопедии» (под ред. П. Эдвардса) [Searle, 1967] и в седьмой главе монографии «Речевые акты» [Searle, 1969, p. 157–174]. Здесь он внес ряд уточнений, которые в основном касались пресуппозиционального аспекта в трактовке смысла имен собственных. К вопросу о семантике имен собственных Сёрл обращался и в более поздних работах – в статье «Имена собственные и интенциональность» [Searle, 1982] и в книге «Интенциональность: очерк по философии сознания» [Searle, 1983]. Однако к началу 1980-х гг. взгляды Сёрла претерпели значительную трансформацию, в результате которой он пришел к выводу, что значение и референциальные особенности всех языковых выражений проистекают из более глубокой характеристики человеческого сознания – его интенциональности, т.е. интенциональность языка вторична по отношению к интенциональности сознания. Таким образом, в его семантике имен собственных ключевым становится понятие интенционального содержания: «...поскольку лингвистическая референция всегда зависит от ментальной референции или является ее видом и поскольку ментальная референция всегда определяется интенциональным содержанием... имена собственные должны определенным образом зависеть от интенционального содержания» [Ibid., p. 232].

Опубликовав статью «Имена собственные», Сёрл сумел поставить на «паузу» дискуссию вокруг этого вида языковых выражений, причем пауза растянулась более чем на десятилетие. В определенном смысле это свидетельствует о том, что решение, предложенное Сёрлом, в основном было принято философским сообществом. Сёрл достиг поставленной цели и сформулировал вариант дескриптивной теории референции, в котором учитывались особенности функционирования имен собственных в практике повседневной вербальной коммуникации. Однако это не означало, что критической реакции на его статью не было. Ряд авторов [см., скажем, McKinsey, 1971] подвергли критике предложенное Сёрлом решение. Однако ситуация кардинально изменилась в начале 1970-х гг.

В январе 1970 г. в Нью-Джерси математик и философ Сол Крипке прочитал курс из трех лекций под названием «Именование и необходимость», которые легли в основу его одноименной книги [Kripke, 1980]. Крипке поставил своей целью показать несостоятельность дескриптивной теории референции, прежде всего применительно к именам собственным. Крипке сформулировал новый подход к рассмотрению природы референции, ориентируясь во многом на идеи Милля. Созданная им теория получила название «каузальной теории референции» или «теории прямой референции». Согласно этой теории, референция имени собственного устанавливается без посредничества смысла, напрямую в «церемонии» первоначального именования или «крещения», а затем передается по цепочке последующих употреблений имени, сохраняемой лингвистическим сообществом. Опираясь на созданную им семантику возможных миров для модальной логики, Крипке истолковал имена собственные как жесткие десигнаторы, т.е. как такие языковые выражения, которые обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует⁴.

Хотя теория прямой референции довольно быстро завоевала ключевые позиции в аналитической философии языка, положив конец доминированию дескриптивного подхода к семантике имен собственных, это не обесценивает статью Джона Сёрла «Имена собственные». Она остается важной вехой в истории осмысления аналитическими философами природы значения и референции языковых выраже-

⁴ Параллельно с Крипке сходные теории референции были предложены Хилари Патнэмом и Китом Доннелланом.

ний. Решение, предложенное Сёрлом, сохраняет свою актуальность и способно побуждать исследователей к поиску новых идей в изучении такого сложного и интригующего феномена, как человеческий язык⁵.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Джон Р. Сёрл

Имена собственные^{1, 2}

Обладают ли имена собственные смыслом? Фреге [Frege, 1952, p. 56 ff.]³ считает, что они должны обладать смыслом, ибо, спрашивает он, как еще утверждения тождества могут быть иными, нежели тривиально аналитическими? Как утверждение вида $a=b$, если оно истинно, может отличаться в познавательной ценности от утверждения $a=a$? Ответ Фреге состоит в том, что, хотя «a» и «b» имеют один и тот же референт⁴, они обладают или могут обладать разными *смыслами*, и в этом случае утверждение истинно, пусть и не аналитически. Однако такое решение кажется более уместным в случаях, когда «a» и «b» являются несинонимичными определенными дескрипциями или когда одно из них – определенная дескрипция, а другое – имя собственное, нежели в случаях, когда оба являются именами собственными. Рассмотрим, например, утверждения, сделанные с помощью следующих предложений:

(a) «Туллий = Туллий» является аналитическим.

Однако является ли

(b) «Туллий = Цицерон» синтетическим?

Если это так, то каждое имя должно обладать отличающимся смыслом, что на первый взгляд кажется весьма неправдоподобным, ибо мы не привыкли считать,

⁵ В заключение также отметим, что кластерная теория Сёрла нашла прикладное применение в философии искусства. В частности, Берис Гот [Gaut, 2000] предложил рассматривать объект искусства как кластерное понятие, которое, подобно именам собственным, предполагает такую же нестрогую дизъюнкцию признаков.

¹ Перевод выполнен по изданию: [Searle, 1958, p. 166–173]. Все примечания к статье принадлежат переводчику.

² Переведено и воспроизведено с разрешения Oxford University Press от имени Mind Association. OUP и Mind Association не несут ответственности и не могут быть привлечены к ответственности за точность перевода. Лицензиат несет полную ответственность за перевод в настоящей публикации.

³ Имеется русский перевод. См.: [Фреге, 2000].

⁴ Каноничным английским переводом работы Фреге принято считать “On Sense and Reference” (1952, 1960), выполненный Максом Блэком. В настоящей статье Сёрл ссылается именно на этот перевод 1952 г., где “sense” служит английским аналогом немецкого “Sinn” (смысл), а “reference” является аналогом “Bedeutung” (значение или же референция). В некоторых англоязычных работах встречается термин “meaning” (значение), которым также переводили “Bedeutung” Фреге. Поскольку Сёрл в статье использует именно термин “reference”, который к моменту написания статьи уже закрепился в философии языка, мы будем переводить “reference” как «референция», а не как «значение». На русском же языке существуют три перевода работы Фреге: перевод Е.Э. Разлоговой «Смысл и денотат» (1977), перевод В.А. Куренного «Смысл и значение» (1997) и перевод «О смысле и значении» [Фреге, 2000], выполненный Б.В. Бирюковым. Для уточнения некоторых терминов при переводе статьи Сёрла мы ориентировались на перевод Бирюкова, который принято считать наиболее точным.

что имена собственные вообще обладают смыслом таким же образом, как предикаты; например, мы не даем определения именам собственным. Однако, несомненно, (b) предоставляет нам информацию, не передаваемую (a). Касается ли эта информация слов? Это утверждение вовсе не о словах.

Сперва рассмотрим точку зрения, согласно которой (b), как и (a), является аналитическим. Утверждение является аналитическим, если и только если оно истинно в силу одних лишь лингвистических правил, вне всякого обращения к эмпирическому исследованию. Лингвистические правила употребления имени «Цицерон» и лингвистические правила употребления имени «Туллий» таковы, что оба имени обозначают, не описывая, один и тот же объект; таким образом, кажется, что истинность этого тождества может быть установлена исключительно путем обращения к этим правилам, а утверждение является аналитическим. Смысл, в котором это утверждение информативно, – это тот смысл, в котором информативно любое аналитическое утверждение; оно иллюстрирует или служит примером определенных случайных фактов о словах, хотя, разумеется, не описывает эти факты. С такой точки зрения разница между (a) и (b) не так велика, как может показаться на первый взгляд. Оба утверждения аналитически истинны, и оба иллюстрируют случайные факты о нашем употреблении символов. Некоторые философы считают, что (a) фундаментально отлично от (b) тем, что утверждение, имеющее данную форму, будет истинным при любой произвольной подстановке символов вместо «Туллий» [Quine, 1953]⁵. Я хочу показать, что это не так. Тот факт, что один и тот же знак обозначает один и тот же объект в двух разных случаях его использования, является хоть и удобным, но случайным способом употребления. По сути, мы легко можем представить себе ситуации, в которых это было бы не так. Представим, например, что у нас есть язык, в котором правила употребления символов скоррелированы не просто с типом слова, а с порядком его конкретных появлений в речи. Некоторые шифры устроены именно так. Предположим, что при первом обращении к объекту нашей речи его обозначают как «х», во второй раз – как «у», и так далее. Для любого, кто знает этот шифр, «х=у» тривиально аналитично, но «х=х» бессмысленно. Этот пример призван проиллюстрировать сходство между упомянутыми выше (a) и (b); оба являются аналитическими, и оба сообщают нам информацию, хотя каждое из них дает разную информацию о способе употребления слов. Истинность утверждений о том, что Туллий = Туллий и Туллий = Цицерон, следует из лингвистических правил. Но тот факт, что слова «Туллий = Туллий» используются для выражения этого тождества, столь же случаен, хотя и более общепринят в нашем языке, чем тот факт, что слова «Туллий = Цицерон» используются для выражения тождества того же самого объекта.

Проведенный анализ позволяет нам увидеть, как (a) и (b) могут быть использованы для создания аналитических утверждений и как в таких обстоятельствах мы могли бы получать из них различную информацию, вместе с тем не вынуждая нас следовать ни одному из предложенных Фреге решений: ни тому решению, что оба высказывания в некотором смысле говорят о словах (*Begriffsschrift*), ни его обновленному решению, согласно которому выражения обладают одинаковыми референтами, но разными смыслами (*Über Sinn und Bedeutung*). Однако хоть этот анализ и позволяет нам увидеть, как предложение типа (b) может быть использовано для создания аналитического утверждения, из этого не следует, что оно также не может быть использовано для создания синтетического утверждения. По сути, некоторые утверждения тождества, содержащие два имени собственных, явно являются синтетическими; люди, утверждающие, что Шекспир – это Бэкон, не выдвигают суждения о языке. Далее я надеюсь рассмотреть связь между именами собственными и их референтами с тем,

⁵ Особенно гл. 2. (Имеется русский перевод. См.: [Куайн, 2003, с. 24–48].)

чтобы показать, как возможны оба вида утверждения тождества, и тем самым показать, в каком смысле имя собственное обладает смыслом.

До сих пор я рассматривал точку зрения, согласно которой правила, управляющие употреблением имени собственного, таковы, что имя собственное используется для указания на конкретный объект, а не для его описания – то есть оно обладает референцией, но не смыслом. А теперь позвольте спросить: как же так получается, что мы способны указывать на конкретный объект с помощью его имени? Как, например, мы учимся и учим употреблять имена собственные? Это выглядит довольно простым делом – мы идентифицируем объект и, предполагая, что наш ученик понимает общие конвенции, управляющие употреблением имен собственных, мы объясняем, что вот это слово является именем того объекта. Но если наш ученик еще не знает другого имени собственного этого объекта, мы можем *идентифицировать* данный объект (что является необходимым предварительным условием для обучения имени) только через остенсивное указание или описание; и в обоих случаях мы идентифицируем объект благодаря его определенным характеристикам. Итак, теперь кажется, будто правила для имени собственного должны быть каким-то образом логически связаны с конкретными характеристикам объекта для того, чтобы имя обладало и смыслом, и референцией; по сути, оно не могло бы иметь референцию, если бы не обладало смыслом, ибо как иначе имя могло бы быть соотнесено с объектом, если оно не обладает смыслом?

Предположим, кто-то ответит на этот аргумент следующим образом: «Характеристики объекта, используемые при обучении имени, не являются правилами употребления имени собственного: это просто педагогические приемы, призванные научить употреблять имя того, кто не знает, как его употреблять. Как только наш ученик идентифицировал объект, к которому относится имя, он может забыть или проигнорировать эти различные дескрипции, с помощью которых он идентифицировал объект, ибо они не являются частью смысла имени; имя не обладает *смыслом*. Предположим, например, что мы учим употреблять имя “Аристотель”, объясняя ученику, что оно обозначает греческого философа, родившегося в Стагире, и представим, что наш ученик продолжает корректно употреблять это имя, что он собирает больше информации об Аристотеле, и тому подобное. А теперь представим, что впоследствии выяснится, что Аристотель родился вовсе не в Стагире, а в Фивах. Это не будет означать, что изменился референт имени или что Аристотель вообще не существовал. Короче говоря, объяснение употребления имени путем упоминания характеристик объекта не является установлением правил для имени, ибо правила вообще не содержат описательного содержания как такового. Они просто соотносят имя с объектом независимо от каких-либо дескрипций».

Однако убедительны ли эти доводы? Предположим, что большая часть или даже все имеющиеся на данный момент фактические сведения об Аристотеле оказались бы истинными в отношении сразу нескольких людей, живших в разных странах и в разные времена, а может быть, они не были бы истинны в отношении кого-либо. Разве мы не сказали бы по этой причине, что Аристотеля вообще не существовало и что это имя, хотя и имеет общепринятый смысл, вообще никого не обозначает? Из вышесказанного следует, что если бы кто-то сказал, что Аристотеля не существует, то это было бы просто другим способом сказать, что «Аристотель» никого не обозначает, но не более того; но если бы кто-то действительно сказал, что Аристотеля не существует, он мог бы иметь в виду гораздо большее, чем просто то, что это имя никого не обозначает [ср. Wittgenstein, 1953, para. 79]⁶. Если, например, мы оспорим его слова, указав на то, что в 1903 г. в Хобокене жил человек по имени «Аристотель», он не сочтет это уместным контраргументом. Мы говорим о Цербере

⁶ Имеется русский перевод. См.: [Витгенштейн, 1994, с. 116].

и Зевсе, что ни один из них никогда не существовал, имея в виду не то, что никто никогда не носил этих имен, а лишь то, что объекты определенных видов (описаний) никогда не существовали и не носили этих имен. Итак, теперь создается впечатление, что имена собственные с необходимостью обладают смыслом, а референцией обладают лишь случайно. Они все больше начинают походить на сокращения и, возможно, неопределенные описания.

Давайте подытожим две рассматриваемые нами противоборствующие точки зрения: согласно первой, имена собственные по существу обладают референцией, но не смыслом – имена собственные имеют денотацию, но не коннотацию; вторая же утверждает, что они по существу обладают смыслом и только случайно референцией – они указывают на что-либо лишь при условии, что один и только один объект удовлетворяет их смыслу.

Эти две точки зрения – дороги, ведущие к дивергентным и устаревшим метафизическим системам. Первый путь ведет к элементарным объектам референции, субстанциям схоластики и *Gegenstände* из *Трактата*⁷. Второй приводит к тождеству неразличимых и переменным квантификации как единственным референциальным выражениям в языке. Субъектно-предикатная структура языка наводит на мысль, что верным должен быть первый путь, но тот способ, каким мы используем имена собственные и каким обучаем их употреблению, означает, что он не может быть верным. Это философская проблема.

Начнем с рассмотрения второй точки зрения. Если утверждается, что все имена собственные обладают смыслом, то будет правомерным требовать в отношении любого имени ответа на вопрос: «Каков его смысл?» Если же утверждается, что имя собственное – это своего рода сокращенная опись, то мы должны быть способны представлять эту самую опись вместо имени собственного. Так как же нам следует поступить в таком случае? Если мы попытаемся представить несокращенную опись объекта как смысл имени собственного, то это приведет нас к странным последствиям, например к таким, что любое истинное утверждение об объекте, использующее его имя в качестве субъекта, было бы аналитическим, а любое ложное – содержащим противоречие; что референция имени (и, возможно, тождественность объекта) менялась бы каждый раз, когда происходило бы какое-либо изменение в объекте, или что имя имело бы разные значения для разных людей, и тому подобное. Итак, предположим, мы спросим, каковы необходимые и достаточные условия для применения конкретного имени к конкретному объекту. Примем как допущение, что у нас есть независимые средства для локализации объекта; тогда каковы условия для применения к нему имени; каковы условия для того, чтобы сказать, например: «Это Аристотель»? На первый взгляд, эти условия сводятся к тому, что объект должен быть тождественен объекту, первоначально окрещенному этим именем, так что смысл имени будет состоять из утверждения или набора утверждений о характеристиках, которые составляют эту тождественность. Смысл утверждения «Это Аристотель» может быть таким: «Этот объект имеет пространственно-временную непрерывность с объектом, изначально названным “Аристотель”». Но этого будет недостаточно, ибо, как уже было сказано ранее, имя «Аристотель» превосходит по своей силе выражение «тождественен объекту, именуемому “Аристотель”», ибо не любой объект, именуемый «Аристотель», подойдет. «Аристотель» здесь отсылает к одному конкретному объекту, именуемому «Аристотель», а не к любому. «Названный “Аристотель”» – это общий термин, но «Аристотель» – имя собственное; так является ли <утверждение> «Это названо

⁷ *Gegenstände* – «предметы» или «вещи» (нем.). В «Логико-философском трактате» Витгенштейна – атомарные фундаментальные объекты без внутренней структуры, которые, соединяясь в различные конфигурации, образуют факты.

«Аристотель»» в лучшем случае необходимым, но недостаточным условием для истинности <утверждения> «Это Аристотель»? Выражаясь кратко и упрощенно, не тождественность с каким-либо объектом по имени «Аристотель», а, скорее, тождественность с самим Аристотелем составляет необходимые и достаточные условия истинности для утверждения «Это Аристотель».

Возможно, мы сможем разрешить этот конфликт между двумя взглядами на природу имен собственных, задавшись вопросом: какова особая функция имен собственных в нашем языке? Прежде всего, в основном они обозначают или претендуют на то, чтобы обозначать, конкретные объекты; однако, разумеется, другие выражения, такие как определенные дескрипции и указательные местоимения, также выполняют эту функцию. Так в чем же тогда заключается разница между именами собственными и другими сингулярными обозначающими выражениями? В отличие от указательных местоимений, имя собственное обозначает объект без установления каких-либо мизансцен или особых контекстуальных обстоятельств, сопровождающих произнесение этого выражения. В отличие от определенных дескрипций, они, как правило, вовсе не *конкретизируют* никаких характеристик обозначаемых ими объектов. «Скотт» указывает на тот же объект, что и «автор “Уэверли”», но «Скотт» не конкретизирует ни одной из его характеристик, тогда как «автор “Уэверли”» указывает на объект исключительно в силу того, что он сообщает определенную характеристику. Рассмотрим это различие подробнее. Вслед за Стросоном [Strawson, 1950]⁸ мы можем сказать, что референциальное употребление как имен собственных, так и определенных дескрипций предполагает существование одного и только одного объекта, который они обозначают. Однако поскольку имя собственное, как правило, не конкретизирует никаких характеристик объекта, который оно обозначает, как же ему в таком случае удастся иметь референцию? Каким образом устанавливается связь между именем и объектом? На этот, видимо, ключевой вопрос я хочу ответить следующим образом: хотя имена собственные обычно не утверждают и не конкретизируют никаких характеристик, их референциальное употребление все же предполагает, что объект, обозначение которого является их целью, обладает определенными характеристиками. Но какими именно характеристиками? Предположим, мы попросим тех, кто использует имя «Аристотель», указать, что именно они считают существенными и известными фактами в отношении носителя этого имени. Их ответы представляли бы собой множество дескриптивных утверждений, отсылающих к единичному объекту. Итак, я заявляю, что дескриптивная сила <утверждения> «Это Аристотель» состоит в том, что утверждается истинность достаточного, но пока не уточненного числа этих утверждений в отношении данного объекта. Следовательно, референциальное употребление имени «Аристотель» предполагает существование объекта, в отношении которого достаточное, но пока не уточненное количество этих утверждений является истинным. Употреблять имя собственное референциально – значит предполагать истинность определенных дескриптивных утверждений о некотором единичном объекте; но обычно это не означает принятия этих утверждений или даже указания на то, какие именно утверждения предполагаются. И именно в этом заключается вся сложность. Вопрос о том, что составляет критерии для имени «Аристотель», обычно остается открытым; по сути, он редко возникает, а когда возникает, именно мы, использующие это имя, более или менее произвольно решаем, какими будут эти критерии. Если, например, выяснится, что половина характеристик, которые принято считать истинными в отношении Аристотеля, относится к одному человеку, а другая половина – к другому, то кого из них мы сочтем Аристотелем? Ни того, ни другого? Этот вопрос не решается для нас заранее.

⁸ Имеется русский перевод. См.: [Стросон, 1982].

Но является ли эта неопределенность в отношении того, какие именно характеристики составляют необходимые и достаточные условия для употребления имени собственного, простой случайностью, продуктом лингвистической небрежности? Или она проистекает из функций, которые имена собственные для нас выполняют? Спрашивать о критериях для употребления имени «Аристотель» – значит спрашивать в формальном модусе речи⁹ о том, что такое Аристотель; это значит спрашивать о наборе критериев тождественности для объекта Аристотель. «Кто такой Аристотель?» и «Каковы критерии для употребления имени “Аристотель”?» выражают один и тот же вопрос: первый в материальном модусе, а второй – в формальном модусе речи. Таким образом, если бы мы заранее договорились о том, какие именно характеристики составляют тождественность Аристотеля, наши правила употребления этого имени были бы точными. Но эта точность была бы достигнута лишь ценой обязательного выведения определенных предикатов при любом референциальном употреблении имени. По сути, само имя стало бы излишним, так как оно было бы логически эквивалентно этому набору дескрипций. Но если бы это было так, мы оказались бы в положении, когда мы могли бы ссылаться на объект только посредством его описания, в то время как на самом деле именно этого позволяет нам избежать установление имен собственных, и именно этим имена собственные отличаются от дескрипций. Если бы критерии для имен собственных во всех случаях были жесткими и точными, то имя собственное было бы не чем иным, как сокращением для этих критериев; оно функционировало бы точно так же, как развернутая определенная дескрипция. Но особенность и огромное практическое удобство имен собственных в нашем языке заключается именно в том, что они позволяют нам публично ссылаться на объекты без необходимости задаваться вопросами и договариваться о том, какие именно дескриптивные характеристики составляют тождественность объекта. Они функционируют не как дескрипции, а как «вешалки», на которые можно повесить дескрипции. Таким образом, наличие неопределенных критериев для имен собственных является необходимым условием для отделения референциальной функции от описывающей функции языка.

Формулируя это иначе, допустим, мы задаемся вопросом: «Зачем нам вообще нужны имена собственные?» Очевидно, чтобы обозначать индивидов. «Да, но это могли бы делать и дескрипции». Однако только ценой указания условий тождественности каждый раз при осуществлении референции: предположим, мы договорились отказаться от имени «Аристотель» и использовать, скажем, «учитель Александра». Тогда будет необходимой истиной то, что обозначаемый человек – это учитель Александра, но тот факт, что Аристотель когда-либо занимался педагогикой, является случайным (хотя я предполагаю, что необходимым фактом является то, что Аристотель обладает логической суммой, нестрогой дизъюнкцией свойств, которые ему обычно приписывают: любой индивид, не обладающий хотя бы некоторыми из этих свойств, не может быть Аристотелем).

Конечно, не стоит полагать, что единственный вид неопределенности критериев тождественности индивидов – это тот, который я описал как свойственный именам собственным. Референциальное употребление определенных дескрипций может вызывать проблемы, касающиеся тождественности, но совершенно иного рода. Это особенно верно в отношении определенных дескрипций в прошедшем времени. Например, утверждение «Это человек, который учил Александра» предполагает,

⁹ Формальный и материальный (содержательный) модусы речи – термины, введенные Р. Карнапом. Формальный модус речи касается языковой формы и синтаксической структуры высказывания. Материальный (содержательный) модус речи описывает эмпирические свойства внеязыковых объектов и фактов. Согласно Карнапу, одно и то же высказывание может быть рассмотрено как в формальном, так и в материальном модусе речи. См. подробнее: [Carnap, 1934].

что данный объект имеет пространственно-временную непрерывность с человеком, обучавшим Александра в другой точке пространства-времени: однако кто-то может также возразить, что пространственно-временная непрерывность человека является случайной характеристикой, а не критерием тождественности. И логическая природа связи таких характеристик с тождественностью человека может также быть неопределенной и оставаться неразрешенной до обсуждения. Но это совершенно иное измерение неопределенности, чем то, которое я упоминал как неопределенность критериев употребления имен собственных, и оно не затрагивает различия в функциях между определенными дескрипциями и именами собственными. Определенные дескрипции способны обозначать только благодаря тому, что их критерии не являются неопределенными в исходном смысле, ибо они обозначают, сообщая нам, каким является обозначаемый объект. Имена же собственные способны обозначать без привязки к вопросу о том, что это за объект.

Наконец мы способны объяснить, как это так, что имя «Аристотель» имеет референцию, но не описывает, и все же утверждение «Аристотель никогда не существовал» говорит больше, чем просто то, что имя «Аристотель» никогда не употреблялось для обозначения какого-либо объекта. Это утверждение сообщает, что достаточное количество привычных пресуппозиций, дескриптивных утверждений, связанных с референциальным употреблением имени «Аристотель», являются ложными. Какие именно утверждения считаются ложными, пока не ясно, ибо в языке еще не установлены точные условия, которые составляют критерии для употребления имени «Аристотель».

Теперь мы в состоянии разрешить наш парадокс: имеет ли имя собственное смысл? Если вопрос заключается в том, используются ли имена собственные для описания или указания характеристик объектов, то ответ будет «нет». Но если вопрос заключается в том, существует ли логическая связь между именами собственными и характеристиками обозначаемых ими объектов, то ответ – «да, в некотором роде». (Это отчасти демонстрирует бедность жесткого подхода к проблемам теории значения по принципу смысл-референция, денотация-коннотация.)

Мы можем прояснить эти моменты, сравнивая образцовые имена собственные с вырожденными именами собственными, такими как «Банк Англии». Для последних, видимо, смысл задается так же однозначно, как в определенной дескрипции; пресуппозиции, так сказать, выходят на поверхность. И имя собственное может приобрести жесткое дескриптивное употребление, не имея вербальной формы описания: Бог для верующих *по определению* справедлив, всемогущ, всеведущ и т.д. Конечно, форма может вводить нас в заблуждение; Священная Римская империя не была ни священной, ни римской и т.д., но тем не менее это была Священная Римская империя. Опять же, возможно, принято называть именем «Марта» только девочек, но если я назову своего сына «Марта», то я могу ввести в заблуждение, но я не солгу.

Теперь вновь вернемся к нашему исходному тождеству «Туллий = Цицерон». Утверждение, сделанное с помощью этого предложения, для большинства людей будет аналитическим; с каждым именем связаны одни и те же дескриптивные пресуппозиции. Но, конечно, если бы дескриптивные пресуппозиции были разными, его можно было бы использовать для создания синтетического утверждения; более того, оно могло бы стать важным историческим открытием.

Оксфордский университет

*Перевод с английского языка и примечания Р.И. Аюпова*¹⁰

¹⁰ Я выражаю благодарность Лолите Брониславовне Макеевой за ценные советы и помощь на протяжении всей работы над созданием статьи и перевода. Также я благодарю Александра Олеговича Архипова за критические замечания на ранних этапах работы над переводом.

Список литературы

- Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–320.
- Куайн, 2003 – *Куайн У.В.О.* С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003.
- Рассел, 1999 – *Рассел Б.* Исследование значения и истины / Пер. с англ. Е.Е. Ледникова, А.Л. Никифорова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Рассел, 2009 – *Рассел Б.* Об обозначении / Пер. с англ. В.А. Суровцева // *Рассел Б.* Избранные труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. С. 18–32.
- Стросон, 1982 – *Стросон П.Ф.* О референции / Пер. с англ. Л.Б. Лебедевой под ред. Н.Д. Арутюновой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М.: Радуга, 1982. С. 55–86.
- Фреге, 2000 – *Фреге Г.* О смысле и значении / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова // *Логика и логическая семантика: сборник трудов.* М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
- Abbott, 2010 – *Abbott B.* Reference. N.Y.: Oxford University Press, 2010.
- Carnap, 1934 – *Carnap R.* Logische Syntax der Sprache. Vienna: Springer, 1934.
- Ferreira-Costa, 2023 – *Ferreira-Costa C.* How Do Proper Names Really Work?: A Metadescriptive Version of the Cluster Theory. Boston: De Gruyter, 2023.
- Gaut, 2000 – *Gaut B.* “Art” as a Cluster Concept // *Theories of Art Today* / Ed. by N. Carroll. Madison; London: University of Wisconsin Press, 2000. P. 25–44.
- Kripke, 1980 – *Kripke S.A.* Naming and Necessity: Lectures Given to the Princeton University Philosophy Colloquium / Eds. by D. Byrne, M. Kölbel. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- McKinsey, 1971 – *McKinsey M.* Searle on Proper Names // *The Philosophical Review.* 1971. Vol. 80. No. 2. P. 200–229.
- Searle, 1958 – *Searle J.R.* Proper Names // *Mind.* 1958. Vol. 67. No. 266. P. 166–173.
- Searle, 1967 – *Searle J.R.* Proper Names and Descriptions // *The Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by P. Edwards. Vol. 6. N.Y.: Macmillan, 1967. P. 487–492.
- Searle, 1969 – *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Searle, 1982 – *Searle J.R.* Proper Names and Intentionality // *Pacific Philosophical Quarterly.* 1982. Vol. 63. No. 3. P. 205–225.
- Searle, 1983 – *Searle J.R.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

John Searle on the Semantics of Proper Names*

Ramazan I. Ayupov

Appendix: *John R. Searle. Proper Names*** Translation and commentaries by Ramazan I. Ayupov

International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy. HSE University. 21/4, Bld. 1, Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: riayupov@edu.hse.ru

The purpose of this article is to acquaint Russian-speaking readers with one of important works in analytic philosophy of language, dedicated to the semantics of proper names, namely with the article “Proper Names” by the American philosopher John Searle, published in 1958. Searle defends the so-called descriptivism view, according to which proper names possess not only reference but also sense expressed by definite descriptions. Searle sees his task in revising the descrip-

* The article was prepared within the framework of the project “International academic cooperation” HSE University.

** Translated and reproduced by permission of Oxford University Press on behalf of the Mind Association. Translation Disclaimer: OUP and the Mind Association are not responsible or in any way liable for the accuracy of the translation. The Licensee is solely responsible for the translation in this publication.

tivist approach created by Frege and Russell and taking account of the peculiarities of functioning which proper names have in contexts of ordinary communication. The center of Searle's focus is a problem known as "Frege's puzzle" which concerns the difference in cognitive value of two kinds of identity statements $a=a$ and $a=b$, containing proper names. Searle's solution can be presented in the following theses. First, like Frege, Searle acknowledges that proper names have senses. However, he rejects the idea that the sense of a proper name is equivalent to a definite description. Second, Searle argues that the referential use of a proper name presupposes the existence of at least one true description that uniquely identifies its bearer. Third, Searle introduces the concept of "descriptive presuppositions", defining the sense of a proper name as a cluster of such presuppositions, united in an inclusive disjunction. Thus, Searle finds the explanation of why an identity statement of the form $a=b$ sometimes is used as analytic and sometimes it is used as synthetic. It depends on whether descriptive presuppositions of the names a and b are the same. Despite the subsequent criticism of this solution by proponents of the direct reference theory, John Searle's theory remains significant in the context of discussions on the semantics of proper names.

Keywords: John Searle, Gottlob Frege, proper names, sense, reference, descriptions, identity, presuppositions, cluster theory of proper names

References

- Abbott B. *Reference*. New York: Oxford University Press, 2010.
- Carnap R. *Logische Syntax der Sprache*. Vienna: Springer, 1934.
- Ferreira-Costa C. *How Do Proper Names Really Work? A Metadescriptive Version of the Cluster Theory*. Boston: De Gruyter, 2023.
- Frege G. O smysle i znachenii [On Sense and Reference], trans. by B. Biryukov. In: *Logika i logicheskaya semantika: sbornik trudov* [Logic and Logical Semantics: Selected Works]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2000, pp. 230–246. (In Russian)
- Gaut B. "Art" as a Cluster Concept. In: *Theories of Art Today*, ed. by N. Carroll. Madison; London: University of Wisconsin Press, 2000, pp. 25–44.
- Kripke S.A. *Naming and Necessity: Lectures Given to the Princeton University Philosophy Colloquium*, eds. by D. Byrne, M. Kölbel. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- McKinsey M. Searle on Proper Names, *The Philosophical Review*, 1971, vol. 80, no. 2, pp. 200–229.
- Quine W.V.O. *S točki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskih ocherkov* [From a Logical Point of View: Nine Logico-Philosophical Essays], trans. by V. Ladov, V. Surovcev. Tomsk: Tomsk University Press, 2003. (In Russian)
- Russel B. *Issledovanie znacheniya i istiny* [An Inquiry into Meaning and Truth], trans. by E. Lednikov, A. Nikiforov. Moscow: Ideya-Press Publ., Dom intellektual'noj knigi Publ., 1999. (In Russian)
- Russel B. Ob oboznachenii [On Denoting], trans. by V. Surovcev. In: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Novosibirsk: Siberian University Press, 2009, pp. 18–32. (In Russian)
- Searle J.R. Proper Names, *Mind*, 1958, vol. 67, no. 266, pp. 166–173.
- Searle J.R. Proper Names and Descriptions. In: *The Encyclopedia of Philosophy*, ed. by P. Edwards, vol. 6. New York: Macmillan, 1967, pp. 487–492.
- Searle J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Searle J.R. Proper names and intentionality, *Pacific Philosophical Quarterly*, 1982, vol. 63, no. 3, pp. 205–225.
- Searle J.R. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Strawson P.-F. O referencii [On Referring], trans. by L. Lebedeva. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow: Raduga Publ., 1982, vol. XIII, pp. 55–86. (In Russian)
- Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], trans. by M. Kozlova, Yu. Aseev. In: *Filosofskie raboty*. Chast' 1 [Selected Works, Part 1]. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 75–320. (In Russian)